

Александр Андреев

ОПАСНЫЙ
КРЕМЛЬ

Революция достоинства на Украине: техника исполнения

Александр Андреев

Опасный Кремль

«Автор»

2025

Андреев А. Р.

Опасный Кремль / А. Р. Андреев — «Автор»,
2025 — (Революция достоинства на Украине: техника исполнения)

Казалось, приключения московского историка Максима Дружченко и его друзей на Украине закончились, но не тут-то было. Весь мир видел бой хранителей с призраком в Каменце-Подольском, где был, наконец, уничтожен огромный радар подавления воли украинского народа, и можно было возвращаться домой. Но и там опасности подстерегают хранителей на каждом шагу, и опять с ними происходят невероятные события. Победив посланцев падшего ангела, хранители находят в Несвиже знаменитый клад Радзивиллов, и в этот момент демоны наносят удар по Беларуси. Впереди - освобождение братской страны и поиск логова врага в Европе, и враг этот, терпя поражение в Чехии и Германии, успевает нанести новый удар по Украине, которую срочно надо спасать. Смертельно опасные приключения хранителей продолжаются, и кажется, нет им ни конца ни края. Мистический триллер «Опасный Кремль» является продолжением приключенческих романов «Призрак Збаражского замка» и «Переведи меня через Майдан».

© Андреев А. Р., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	5
Танец с пистолетами на морском берегу.	6
Чему учит история империи?	9
Кажется, начинается заваруха?	13
Москва – не Диканька.	15
Великая Страна – не Столица. Две хонды в пути, несмотря ни на что.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Андреев

Опасный Кремль

Предисловие

Новый мистический триллер Александра Андреева, рассказывает о дальнейших приключениях московского историка и хранителя с соратниками у себя дома в Великой Стране. Благополучно закончились их удивительные приключения на Украине, где была восстановлена справедливость для всего народа. Позади были месячная погоня за Максимом по всей территории черноземной страны, спасение его братом Винцентом из ордена Святого Бернара, и великолепными конотопскими ведьмами во главе со знаменитой колдуньей Солохой. Московский историк познакомился и подружился с героем украинского народа, будущим президентом Украины Богданом Бульбой, знаменитым Сотником, который со своими соратниками возглавил сорокамиллионную страну. Весь мир видел их бой с призраками в Каменце-Подольском, где был уничтожен радар подавления воли украинского народа, захват и освобождение хранителей на Банковой улице Киева, атаки наемниками штаба Сотника в Переяславе-Хмельницком, события в Самой Верхней Раде, и невероятное сражение хранителей с демонами на хуторе близ Диканьки. Позади было нахождение Максимом с соратниками архива и клейнод Богдана Хмельницкого, а также золотого запаса великого гетмана на Поляне Молний. Удивительные приключения закончились, и пора было возвращаться домой.

Действие романа «Опасный Кремль» переносится из Столицы на север, восток и юг огромной страны, и везде хранители, к которым присоединяется еще один боевой товарищ, так лихо действовавшие в «Призраке Збаражского замка» и «Переведи меня через Майдан», попадают в невероятные ситуации и успешно разгадывают встающие перед ними загадки, таящие в себе страшный смысл.

Враг, который противостоит хранителям – ужасен и пощады не знает. Чем кончится противостояние добра и зла?

Мистический триллер «Опасный Кремль» является продолжением приключенческих романов «Призрак Збаражского замка, или Тайна Богдана Хмельницкого» и «Переведи меня через Майдан».

Танец с пистолетами на морском берегу.

Угроза слева! Максим крутнул Орну сложным па, прикрывая ее от выстрелов, и пистолеты в их кобурах стукнулись друг о друга.

Зал ресторана «Тихий уголок» в азовском Счастливецво был полон. Негромко играла музыка, и ветер доносил ровный шум моря, бившегося об Арабатскую стрелку. Максим заказал музыкантам три любимых мелодии и пригласил Орну танцевать. «Белые крылья» Валерия Ободзинского в исполнении генического ансамбля звучали проникновенно и волшеббно, влюбленные двигались в медленном фокстроте, и на танцпол во множестве высыпали пары. «Крылья» сменил удивительный «Клен», и в зале воцарилась гармония.

Орна, не забываящая свою профессию, глазами указала размечтавшемуся Максиму на два столика слева и справа от входа. Семеро наемников Треугольника, из тех, что брали хранителей на Владимирском спуске у киевской филармонии, на них не смотрели, и только знакомый старший, коротко стриженный крепыш, нервно облизывал пересохшие губы.

Времени на размышление и анализ ситуации не было совсем. В отличие от киевских посланцев смерти хранители не могли устраивать стрельбу в переполненном зале. «Клен» очень вовремя сменило быстрое «Американо», и хранители тут же перешли с фокстрота на сумасшедшее буги, которое не только вызвало бурные аплодисменты, но и позволило незаметно осмотреть весь ресторан.

Не два столика на входе. Пять, и по всему залу. Полтора десятка профессионалов врага прибыло на Арабатскую стрелку из Киева для захвата московского историка Максима Дружченко и его невесты. Максим и Орна крутились в бесконечных пируэтах, и его кольт бился о ее парабеллум с глухим стуком, грозя вывалиться из полукобуры на пояс.

Угроза слева! Один из наемников достал пистолет, но прицелиться ему не дали. Максим, крутнув Орну через спину, оказался с ней прямо у служебного входа на кухню. Влюбленные исчезли за шторой и выбежали на улицу, сразу же пыхнувшую на них вечерним августовским жаром, который немного успокаивал бриз, тянувшийся от Азовского моря, лежавшего совсем рядом. Сразу же за ними появились их враги, и Максим, видя, что сесть в хонду они не успеют, в отчаянии выхватил кольт. Крепыш впереди хищно улыбнулся и сразу начал стрелять...

Максим резко дернулся в кровати, попытался определить, сон это или явь, не определил, и чуткая Орна тут же стала его успокаивать. Уже месяц, как хранители вернулись в весеннюю Столицу, где брат Винцент открыл представительство ордена Святого Бернара, назначив главного агента Орну его руководителем.

Максим стал научным руководителем представительства, открытого в красивом доме на Песчаной площади Столицы. Как ни странно, орден бернардинов получил аккредитацию в России на удивление легко, возможно из-за самого историка, после событий в Киеве ставшего известным. Впрочем, римский папа написал письмо в Кремль с просьбой помочь, и это, конечно, сыграло главную роль. Руководитель ордена бернардинов был назначен на новую высокую должность в Ватикан, а его место занял бывший легат в Западной Украине, брат Винцент, получивший из рук папы перстень и титул «монсеньор». Максим дважды побывал у него в гостях, в резиденции под Парижем, и в обстановке полной секретности посетил научный центр, занимающийся разгадкой тайны морока, и обсудил один на один с братом Винцентом феномен Поляны Молний. Он еще не знал, что во время второй поездки, несмотря на все предосторожности легата, был замечен в центре не теми, кем нужно, и это в ближайшее время ввергнет московского историка в новые, чрезвычайно опасные приключения, которым опять не будет ни конца ни края. Когда оказываешься втянутым в дела, которые должны изменить человечество, не следует удивляться, что на тебя будет объявлена охота.

У Сотника в Киеве все шло своим чередом – напряженно, нервно и очень опасно. Еще бы – ткнуть палкой в огромную банку с пауками без тяжелых последствий было совершенно невозможно, но народный герой с соратниками был к этому готов как никто другой.

17 мая 2016 года Учредительное Собрание в Киеве приняло новую форму управления Украиной, в которой уродливую Самую Верхнюю Раду сменили Народное Вече – Референдум, Совет Старейшин и сильная президентская власть. На октябрь были назначены выборы президента, и Максим посоветовал другу использовать систему власти, впервые разработанную Джорджем Вашингтоном, которого московский историк совершенно справедливо считал самым великим человеком всех времен и народов.

Смена иерархии власти шла трудно, и Сотник толково ставил везде выпускников вузов и даже студентов-старшекурсников, которым было «за Державу обидно». На Украину стала возвращаться уехавшая молодежь, и дела пошли намного лучше. По экспорту пшеницы, кукурузы, семечек, курятины черноземная страна занимала первые места в мире, и ее доходы были, как и ее размеры, втрое меньше России, то есть – огромные. Однако деньги приходили в доведенную до нищеты страну совсем плохо, и с этим надо было что-то делать и делать очень аккуратно. Гражданская война с армиями наемников, в которой традиционно гибнут лучшие, обезлюдевшей Украине была совсем не нужна.

Под суд попала тысяча человек, а под люстрацию – десятки тысяч. Попытки главарей Треугольника устроить делигитимизацию Сотника были аккуратно и мощно блокированы братом Винцентом. В европейских СМИ появились копии платежных документов, оплачивавших заказные статьи и сюжеты, шельмовавшие Богдана Бульбу. На западе разразился умело построенный жуткий скандал, несколько газет потеряли рейтинг и были оштрафованы на большие суммы, полтора десятка сайтов лжецов были заблокированы.

Сотник тут же выпустил универсал о защите иностранных инвестиций на Украине, в страну пошли деньги, что сразу оживило экономику. Максим разработал и привел к победе план по быстрому искоренению монополии внешней и внутренней торговли на самые популярные товары. Отвратительное польское фейк-сало тут же исчезло с киевских прилавков, получив конкурента в виде отличных и дешевых миргородских продуктов, так же произошло и со многими другими товарами.

Попытки торговых сетей поднять цены были пресечены Сотником мгновенно и жестко. Две самые оголтелые группы были вышиблены с общеукраинского рынка и тут же заменены другими. Их начальство скопом арестовали, а имущество конфисковали. Началось громкое следствие, и повторить подобную попытку нажиться на хаосе из-за смены власти никто из других гигантов рынка не захотел, ибо выходило себе дороже. Во всех городах стали массово торговать фермеры, и ситуация по снабжению жителей всем необходимым тут же стабилизировалась, не успев раскачаться.

Страна бурлила, энтузиазма у миллионов людей, обретших родину, было хоть отбавляй, и Богдан Бульба полностью оправдывал их ожидания. Три попытки покушения на исполняющего обязанности Президента были пресечены в самом начале самими гражданами, всегда знавшими, кто, когда, кому и сколько занес хабара и за что. Скрыть что-то в казацкой стране было невозможно, а уж тем более заговор против народного героя. Исполнители и организаторы с заказчиками были просто стерты в порошок и скручены в бараний рог, а Богдан по-прежнему выступал на многолюдных митингах.

Работавшие в Украине транснациональные корпорации и финансово-промышленные группы, плоть и кровь выдохшегося в своем существовании капитализма, никакого ущерба не понесли и рисковать капиталами в авантюре не хотели. Все увидели тяжелую руку Сотника, при попытке криминальных кругов устроить в стране разгул преступности установившего комендантский час. Военные патрули, офицерские отряды и так любимые Максимом диверсионные группы быстро стерли уркаганов в порошок, не дав грабить и разбойничать ни минуты.

Шла реформа полиции, спецслужбы, судов, прокуратуры, чьи штаты были раздуты впятеро от необходимого. Работы было невпроворот, но Украина на глазах превращалась в страну благополучной жизни для всех, кто этого хотел.

Максим отказался от всех предложенных ему постов, с трудом – от должности министра культуры и стал советником Богдана Бульбы по борьбе с контрреволюцией, о чем знали только свои. Ему нравилось готовить информационное поле для принятия решений Президентом, и пока он ни разу не ошибся с советами по предупреждению угроз Украине и по управлению ею в кризисной ситуации.

Часть 1. Столица.

Чему учит история империи?

Максим, Орна и Диоген уехали из Киева в Столицу в конце мая 20... года, когда было получено разрешение об открытии представительства ордена Святого Бернара в столице и дипломатический паспорт историка. У Орны он уже был, его просто обновили, указав новую должность чрезвычайного и полномочного посла. Максим, как ее супруг, тоже получил вид на жительство в Европейском Союзе, но от паспорта ЕС пока воздержался и правильно сделал.

Хранители ехали на хонде, переданной представительству, и на границе с черным котом никаких проблем не возникло – его просто никто не видел на заднем сиденье.

Перед отъездом Максим обговорил с президентом Бульбой и монсеньором Винцентом все мыслимые и немыслимые варианты развития событий и ответные действия, в том числе под давлением. Максим был очень удивлен, когда узнал о настоящих возможностях ордена в мире, включая и Россию, но очень хотел, чтобы они ему не понадобились. Его главной задачей, которую он поставил себе сам и согласовал с друзьями, – был поиск Столичной Гидры, о которой на допросе упомянул в Каменце директор Академии подавления воли, страшный радар которой хранители разнесли в бою перед самым включением его на сорок миллионов украинцев.

Максим всегда смеялся, когда в трех разделах Польши напившиеся старки поляки и их собутыльники обвиняли Екатерину Великую, которая противилась этому до последнего, несмотря на страшное давление инициаторов – прусского короля и австрийского императора. У России было чувство национального достоинства, у Украины – чувство собственного достоинства казаков, родившихся с саблей в руке, которых, правда, было совсем немного, у Беларуси – чувство верности и стойкости, несмотря ни на что. Эта колоссальная сила, слившись воедино, и создала великую Российскую империю, о чем Максим написал свою известную книгу «Конфедерация».

Начинать поиск Столичной Гидры стоило с Нюрнберга и Брно, о которых, как о центрах подавления воли в мире, было сказано в Каменце, и этот отрывок записи в эфир, конечно, не пошел. В Столице поиск следовало вести совсем не так, как в Киеве, иначе костей не соберешь. В пословице «Она слезам не верит» Максим всегда пропускал второе слово.

Основным делом хранителей было содержание совершенного оружия, способного изменить мир. Оно делалось в Збараже и Клерво, в научном центре ордена бернардинов, под неусыпным контролем монсеньора Винцента. На охрану этих центров по договоренности с Солохой были посланы ее конотопские боевые ведьмы, ставшие знаменитыми после спасения хранителей из лап Гривны на Банковой улице, битвы с призраками в Каменецкой крепости, захвата Самой Верхней Рады в Киеве и боя в шинке на хуторе близ Диканьки с демонами Сатаны. Однако они охраняли тайну исследования от чужих глаз. За учеными, вернее их молчанием, присматривал сам монсеньор, и дай бог, чтобы все обошлось, хотя бы до завершения работ. После штурма в Киеве с использованием збаражских бутылок с мороком и заявления ордена о том, что они разгадали природу Демона Зла, к бернардинам было приковано всеобщее внимание, как к гарантам благополучия миллионов людей.

Максим предложил вести исследование тайн Поляны Молний на месте и только в последний момент объединить збаражский морок, рецепт рушника Солохи, траву бокку с остановкой времени и искривлением пространства у села Купище под житомирским Коростенем. Тихо и незаметно на Поляне появился лагерь европейских археологов, охраняемый усиленным сторожевым постом Солохи и офицерским отрядом из гарнизона Переяслава, который при необходимости увеличивался диверсионной группой.

Это исследование было настоящей тайной всех времен и народов, которое могло изменить историю человечества, в последнее время просто ломившегося к Армагеддону, и вырвать его из-под сатанинского правления. «Во всяком случае, такая попытка должна быть сделана, хотя бы для защиты людей», – единодушно решили хранители. Солоху, с которой Максим и Орна от души распрощались перед отъездом, ее бывшее начальство пока не трогало, и она готовила вторую группу боевых ведьм, в которую вошли две ее стажерки, так хорошо проявившие себя во время недавнего противостояния с Треугольником.

Сторожевой пост Солохи у Белополя присматривал за Песками, где по расчетам Максима должен был храниться вторая золотая тайник Богдана Хмельницкого. Его решили пока не трогать, до поры до времени, помня, какой эффект дало нахождение первого клада гетмана на Поляне Молний, стоимостью двенадцать миллиардов долларов.

Все цели были ясны, задачи поставлены, теперь их надо было решить, несмотря ни на что.

Представительство ордена Святого Бернара обосновалось в уютном особнячке у кинотеатра «Питер», недалеко от дома, где жил Максим. Это часть толицы под названием Орел, была застроена после войны пленными немцами, сделавшими это хорошо. Район, конечно, испортили строительством высотного здания и стадиона, но, слава богу, не до конца, и он продолжал оставаться почти уютным.

На торжественном приеме по случаю открытия представительства присутствовали прилетевший из Парижа монсеньор Винцент, видные бернардины, дипломатический корпус, представители МИД и Кремля. После Винцента и Орны выступил Максим, посвятив свою короткую речь гуманитарным вопросам, которыми будет заниматься филиал ордена, – взаимопроникновением западных и восточных культур, хотя Максим и не был согласен с утверждением, что у восточных славян внешность европейская, а характер азиатский.

Все внимание было приковано к монсеньору, который рассказал о мороке демона зла и его разгадке все, что было можно. Задавали вопросы ему, Орне и Максиму, и все хранители старались отвечать на них подробно и искренне, насколько это было возможно. Все друзья хорошо понимали, что любая утечка информации об их главной цели, о которой пока никто не подозревал, закончится такой дракой, в которой в плен никто никого брать не будет. Хорошо, что тайны Збаража и Поляны Молний раскрывались по отдельности и об их связи знали только хранители.

Диоген, который отвечал за безопасность Максима и Орны, на приеме присутствовал, но его, конечно, никто не видел. К черному коту с необыкновенными возможностями решено было внимание не привлекать. Публично в деле его видели только однажды, когда он прикрывал Максима и Богдана в зале заседаний Самой Верхней Рады, но на это никто не обратил внимания, ибо человеческие глаза ничего необычного так и не увидели. О его боевых способностях, включая проникновение в мозг, знали только свои, ну и славно. Зачем заранее показывать противнику, что его может ждать. Диоген с его мертвой хваткой появится в нужном месте в нужное время, в чем московский историк даже не сомневался. Максим вспомнил, как черный кот принял на себя направленный на него удар отряда призраков Бешеного Яремы в Каменце, и вздрогнул.

Диоген был устроен как нельзя лучше – в городской квартире и истринском доме он имел свое удобное место и был готов противостоять любой внезапной опасности, откуда бы она ни исходила. Не опасаясь быть услышанными, Максим и Орна часто беседовали мысленно с помощью своего диканьского друга, и последняя беседа с участием монсеньора Винцента была очень плодотворна. Открыв представительство, генерал ордена улетел в Париж, а его московские друзья окунулись в работу.

Максима и Орну приглашали на приемы в другие посольства, и это были очень интересные встречи со многими знающими людьми. Научный руководитель представительства ордена бернардинов рассказывал о недавних украинских событиях, о страшном каменецком радаре,

готовом подавить волю миллионов людей, и его возможных центрах управления в Европе. Слов «Московская Гидра» историк, конечно, не произносил, но кое-что прояснялось.

Высшие руководители по-разному реагировали на рассказы Максима, из чего можно было сделать определенные выводы. Высшая власть всегда относилась к «инициативникам» с подозрением. Беседовать о Московской Гидре было можно, только имея информационный повод, о чем у историка была особая договоренность с генералом ордена бернардинов и старым другом Винцентом.

На созданные сайт и youtube канал представительства, которые вели Максим и Орна, с первых дней стали заходить тысячи, а затем и десятки тысяч человек. Максим всегда вел эфиры с Диогеном, к которому зрители проявляли повышенный интерес. Историк хотел, чтобы все привыкли к тому, что черный кот всегда находится рядом с ним, а там видно будет, на что способно это животное, от которого никто не ждет подвоха. По несколько часов в день Максим добросовестно отвечал на многочисленные вопросы и комментарии, и количество его зрителей стремительно росло. Вскоре он начал писать и публиковать свой первый приключенческий архивный роман о своих приключениях на Украине, который по главам читал вслух, его аудитория стала стремительно приближаться к миллиону и быстро перевалила за него.

Максим дал большие интервью на ТВ РТР и «Культура», доказательно объяснив, почему в случае объединения России, Украины и Беларуси в Конфедерацию, весь мир начнет изучать русский язык. На этом общении с отечественными СМИ было закончено, несмотря на вал приглашений со всех сторон. Размещать в них материалы ордена за огромные деньги было совершенно неинтересно, и не только потому, что они стремительно теряли популярность. В свое время историк Максим Дружченко побывал на многих эфирах и каналах, где все было по шаблону. У большинства СМИ уже была готовая концепция фильма и передачи. Продюсеры и сценаристы, совсем молодые парни и девушки, не были отягощены знаниями и образованием, и историку надоело объяснять значение слова «казна» и чем воинское звание «старшина» отличается от термина «казацкая старшина». Он по несколько дней готовился к записи, затем говорил на камеру час или два, от которых после монтажа оставалось минута или две, а из его текста делали сценарий. При этом его предложения о том, как сделать передачу интересной для зрителей, никогда в расчет не принимались, главное было – освоить бюджет записи.

Интервью Максим перестал давать категорически. Большинство ведущих были плохо воспитаны, имели низкий профессионализм, к эфирам не готовились и постоянно перебивали собеседника.

Культурных людей в трех братских странах было еще много, и дел у Максима и Орны было невпроворот. Они дважды ездили к Сотнику и удачно блокировали попытки контрреволюционеров сделать новой Украине гадость и пакость. От их жадных лап Богдан Бульба медленно, но верно освобождал государственный бюджет, и это видели все. Строительство богатой страны, в которой хорошо всем, кто работает, отнимало у него все силы, и шло не по дням, а по часам.

В свободное время семья Дружченко старалась проводить на Истре, где у Максима был свой дом с цветником и садом на двадцати сотках земли. Сад был из яблонь, привезенных из мичуринского плодopитомника, и цвел весной умопомрачительно. Рядом с домом были отличные фермерский магазин и сыроварня, в которых было все, что душе угодно, и по приемлемым ценам. По Новорижскому шоссе от Орла до Истры не в часы пик можно было доехать за сорок минут, и дом имел свой интернет, позволявший работать не в постоянно чадающем каменном мешке, а на природе, которую справедливо называли Русской Швейцарией. Прямо в саду, с видом на цветник из ста кустов роз, в беседке стояли вовремя вывезенные из Белополья отреставрированные круглый стол и кресло-трон середины XVIII века, сидеть за которыми под пение соловьев и щебет птиц было одно удовольствие.

Теплым июньским утром Максим в беседке своего сада отвечал на вопросы, пришедшие на сайт представительства, и не знал, что Столичная Гидра сама придет к нему с вопросом, ответить на который и надо, и невозможно, и скоро начнется такая потеха, по сравнению с которой недавняя борьба с украинским Треугольником покажется легкой прогулкой по парку аттракционов. Детскому.

Кажется, начинается заваруха?

Нужно ли контролировать Европу и ее население из единого центра? Америка давно пытается это делать со своей доктриной Монро, но получается по-разному. Ясно, что дело в том, кто это делает и зачем.

Государства и люди подчиняются разным законам, и форма правления тут совсем не главное. Нужны талантливые правители, желающие и делающие людей счастливыми. С этим в XXI веке была большая проблема. Лидеров-гигантов сменили пигмеи, имитировавшие великих вождей, до которых им было как до Китая раком. Лидеры говорили правильные слова, а потом ничего не происходило, только количество миллиардеров и их доходы неуклонно росли, а жизнь обычных людей также стабильно ухудшалась. Максим хорошо понимал, почему Ленин, приближавший крах потерявшей голову Российской империи, выдвинул лозунг «Чем хуже – тем лучше!» Иного способа заставить население очнуться и задуматься над своим будущим не было.

В этих условиях всевластия денег, которые не пахли, приходилось жить и работать, не обращая внимания на политиков, мешавших гражданам даже существовать. Изменить эту сатанинскую систему было, очевидно, невозможно, но просто сидеть и ждать Армагеддона, в компании с Апокалипсисом зарвавшегося в жажде наживы капитализма, не хотелось. Борьба с теми силами, задачей которых было подавление воли всего человечества, было необходимо. Господь создал людей по своему образу и подобию с правом выбора, влиять на который нельзя было силой, а только убеждением, обманом и выгодой, что успешно и делал Сатана.

Чего хотела Столичная Гидра? Диоген пока не зафиксировал какого-то активного потустороннего интереса к вернувшимся хранителям, но интерес к ним владык земных был очевиден. Появление в бою на хуторе близ Диканьки орлов и огненного шара, посланного, без сомнения, Великим Вседержителем Вселенной, спасшего четыреста человек от смертельного удара Падшего ангела, удерживало врагов перед проведенной им красной чертой – «Моих не трогать!» Пока удерживало. Во всем мире дьявольские академии подавления воли успешно отнимали у людей разум и душу, с каждым днем увеличивая размах своих черных дел.

Монсеньор Винцент успешно действовал в прозрачной для него Европе. Иное дело была византийская Столица с ее дракой бульдогов под необъятным ковром.

Звездная ночь незаметно навалилась на Истру со всего волшебного размаха, и хранители наслаждались великолепием летнего вечера. Закончив рассказ, Максим посмотрел на Диогена, внимательно слушавшего историка. Черный кот утвердительно мяукнул, не разжимая пасти, и элегантно переменял позу в кресле. Политическая борьба в огромной империи была закрыта от подданных со времен Ивана Третьего. Любой активный интерес к ней непосвященных фиксировался и мог закончиться для них плачевно. Максим сам должен вычислить Столичную Гидру, которая, конечно, не теряет времени даром, в соответствии со своей легендарной сутью, всеми своими головами творя зло.

Неделя прошла в трудах, и в четверг супруги Друженко с удовольствием отправились на прием во французское посольство на Большой Якиманке. Однако пообщаться со знающими людьми и попробовать обещанный десерт в виде Бастилии толком не получилось. После речи посла, посвященной Дню независимости, к Максиму подошел дорого и безвкусно одетый человек, невнятно представился и предложил встретиться с людьми, которых Максим классифицировал, как отдельная группа из бенефициаров девяностых. На вопрос о теме разговора Максим ответа не получил и от встречи, конечно, отказался.

Если человек не идет к Гидре, то она сама идет к нему? Вернувшись домой, хранители обсудили, зачем научный руководитель представительства ордена Святого Бернара мог пона-

добиться этой не знавшей жалости в погоне за прибылью машине, но материала для достоверного анализа не хватало. Обратятся еще раз, более осмысленно, или пусть сами играют в свои игры с минимальной ставкой в миллиард.

Выходные Друженко провели на Истре, а в понедельник в представительство пришел другой человек, надменный и холодный, как утес в Северном море у Новой Земли. Назвавшись чиновником для особых поручений Лорда – руководителя бенефициаров, посланец предложил Максиму порекомендовать на работу в научный центр бернардинов под Парижем их физика, за что получить три миллиона долларов. Чиновник с удовольствием заметил, как у не уследившего за собой историка расширились зрачки, сказал, что придет за ответом в среду, и отключился.

Максим и Орна посмотрели друг на друга, а потом на Диогена, который утвердительно нагнул свою умную голову. «Бенефициары что-то знают об исследованиях монсеньора Винцента о мороке. Сумма, предложенная за представительство, была внушительная, но не чрезмерная. Они не знают о новом оружии или, как всегда, экономят на спичках, не ставя никого в грош, кроме себя.

По закрытой орденской связи Орна послала в Клерво и Киев архивированную цифру 2, означавшую проявление интереса к теме морока внутри России. Большая игра предполагалась на территории, где противник мог почти все, имитируя соблюдение законодательства.

Максим хорошо представлял, что начнется после истечения срока ультиматума Лорда. Предлагать Орне на время уехать в Европу было, конечно, бесполезно. Вечером в квартире на Орле хранители с помощью Диогена молча обсудили опасную ситуацию, в которой вдруг оказались.

Не вмешиваться в политику вообще – это было правильно. Максим никогда и не вмешивался, ибо хорошо знал ее изнутри, во всех ведущих странах за последнюю тысячу лет. Теоретически совет был правильный, практически – неприменим, во всяком случае в сложившейся ситуации. Максим просто восстанавливал свою родословную, а дело закончилось, ни много ни мало, а сменой преступной власти на Украине, что было, безусловно, здорово. Превращаться, да еще под сатанинским давлением, в салтыковского премудрого пескаря у историка не было никакого желания, как, конечно, и у Орны и их друзей. Да это бы и не помогло в современном мире.

Максим пожалел, что из-за постоянных поездок так и не завел себе овчарку, вроде белопольских Тина и Джульбарса. Он понял, что надо сделать, и через Диогена сказал об этом Орне. Безжалостной силе денег может противостоять только сила державы с великой историей, и у московского историка есть к ней прямой телефон.

Глаза Орны весело округлились, когда она услышала в мозгу слова Максима, транслированные Диогеном. Опять возлюбленный ее удивил, что было совсем не просто. Времени на ответ бенефициарам было немного, и терять его не следовало. Хранители прямо в ночь уехали в истринский дом, и по дороге главный агент ордена бернардинов легко заметила слежку за их хондой.

Все. Началось.

Москва – не Диканька.

На ультиматум «бенефициаров для начала следовало огрызнуться, и Максим выложил на сайт представительства свою давнюю работу об организованной преступности. Материал к ней собирался несколько лет и был очень интересный. Хонда, сопровождаемая двумя не особо скрывававшимися BMW, ехала по третьему транспортному кольцу, а количество скачиваний и просмотров очерка о мафии, каморре и «Коза Ностра» перевалило за тысячу и быстро увеличивалось.

Кто глух и нем, к тому же слеп, тот тихо проживет сто лет.

Любимая пословица мафии.

Когда 9 февраля 1813 года король Неаполя и Сицилии недалекий Фердинанд Бурбон издал указ об учреждении частной полиции, стало ясно, что дело кончится плохо. Частные вооруженные отряды стали злоупотреблять своей властью, обложили данью всех и вся, и население быстро привыкло к этому неизбежному злу. Дача показаний против этих банд беспощадно каралась. Все видели, что члены частной полиции, называвшие себя «мафиози», обладали большей силой и властью, чем правительство.

Центром зарождавшейся мафии стала Сицилия, в которой власть принадлежала мафиози, правившим с помощью закона вендетты – обычая кровной мести, который считался «универсальным средством защиты чести и имущества рода».

Объединение Италии Джузеппе Гарибальди и изгнание Бурбонов не изменило жизнь сицилийского крестьянства, которое так и не получило землю, которую могло брать только в аренду. В 1893 году итальянское правительство разгромило созданные крестьянами двести фаши – «союзы трудящихся». В Сицилии расцвела мафия, чье название означало «та, которая не существует».

Мафия стала не только нелегальной организацией, но и системой социальных отношений, в которых применялись насилие, террор и убийства, право сильного. Она получила организацию, ритуалы и иерархию, а закон омерта, по которому никто не может выдавать властям членов мафии и их преступления, сделал ее почти неуязвимой.

В мафию влилось большое количество преступников, выпущенных из тюрем революцией Гарибальди, и она разрослась в огромное тайное общество.

В мафию принимали людей, не являвшихся трусами. Их называли Giovanni d'onore – почтенные молодцы. Целью мафии стало не просто сбор дани, а господство и независимость от властей и от закона. У нее появились условные слова и отличительные знаки. Приговоры исполнялись из лупары, старинного охотничьего ружья, заряженного волчьей картечью. Ее выстрел не давал шансов на спасение. Мафиози проскальзывали сквозь полицейские сети как призраки. Их иерархия «Онората сочиета» пронизывала города, деревни, все отрасли экономики и стала укладом жизни.

Структура мафии окончательно оформилась в начале XX века, и она совершенствуется до сих пор. В низовую ячейку, «коску», входили 15 человек пехоты во главе с куратоло – соблюдающем интересы, и его гвардаспалле – телохранителем. Несколько косок возглавлял соврастанте – вышестоящий. Группа косок-ячеек образовывала «семью», под началом его главы. Группой «семей» управлял советник. Объединение нескольких групп являлось провинциальной организацией мафии, которую возглавлял «дон». Мафия имела широкие связи во всех слоях общества.

Мафии, действовавшие в разных отраслях экономики, назывались консортериями, которые составляли «почтенное общество», объединенные узами солидарности в деле совершения

преступлений. В распоряжении глав семей были «пиччотти ди фикату» – «смелые молодцы», и «брави» – наемные убийцы, готовые на что угодно.

В XX веке деятельность мафии охватила не только экономику, но и политику. Впервые она стала использоваться на выборах для получения голосов их кандидатом. Первая мировая война с ее бедами сильно увеличила мощь мафии, особенно когда в нее влились фронтовики.

Муссолини отправил в тюрьмы 30000 сицилийских мафиози, но не победил мафию. Именно в Сицилии в 1943 году был открыт Второй фронт, который, в первую очередь, привел к краху фашизма в Италии

Из-за преследований фашистов многие опытные мафиози иммигрировали в США и быстро возглавили там гангстерский мир. Когда летом 1943 года в Сицилии высадились англо-американские войска, вместе с ними невидимо высадилась «Коза Ностра», сделавшая итальянскую мафию совсем другой.

«Cosa nostra» – «Наше дело» была создана в США сицилийскими мафиози-эмигрантами как преступный синдикат с отделениями в большинстве штатов. Весь преступный мир был разделен на сферы влияния. Был избран «босс всех боссов», а при нем общий совет – комиссия.

Сицилийские мафиози с огромным опытом вышибли с американского бандитского рынка прибывших туда ранее немцев и мексиканцев. Это был совершенно новый тип преступной организации. Теперь все преступления совершались по точно разработанному плану с целью накопления богатства и достижения незаконной власти, основанной на нарушении законов государства. «Коза Ностра», особенно после сухого закона, стала государством в государстве, став монополистом в торговле наркотиками, азартных играх, ростовщичестве, шантаже и других бандитских делах. При поддержке президента Трумена сицилийцы, боровшиеся против Муссолини, даже создали свою «Армию освобождения», и в 1947 году мафия почти провозгласила Сицилию новым штатом США.

Американизированная мафия в Италии стала действовать открыто, с устрашением. Теперь все решали автоматы, и за десять послевоенных лет в Сицилии были расстреляны две-три пятьдесят руководителей старой доброй мафии. Новая мафия стала брать незаконную дань со всего и вся. Мафия в Италии и США стала оказывать сильное влияние на избирательную борьбу на всех уровнях, от выборов на местах до выборов президента. Только объявив крестовый поход, государство смогло остановить победное шествие мафиози – людей, независимых от законов и официальной власти.

Сицилийская мафия в Италии и США была эталоном, по которому стали создаваться мафии в других странах. Теперь государственные мафии – это организованная преступность, располагающая новейшей техникой, опытным профессиональным штатом, имеющая обширную социальную базу, сращенная в сферах экономики и политики с властными структурами.

Знаменитый мафиози Джозеф Валачи на суде сказал на весь мир:

«Мафия огромна. Что может получиться хорошего, если я даже расскажу вам о ней? Вас никто не будет слушать, и вам никто не поверит!»

Из машины по особому телефону Орны Максим позвонил монсеньору Винценту, быстро и точно рассказал об ультиматуме и о том, что они собираются сделать. Услышав, с кем историк собирается встретиться, Винцент, как и все хранители обладавший рапирным мышлением, быстро пришел в себя и одобрил действия своих друзей. Союзники такого уровня, да еще в ситуации цейтнота, нужны всегда, и дай бог, чтобы число хранителей увеличилось на одного человека.

Богдану, не обладавшему в Киеве такой надежной властью, звонить было нельзя, и монсеньор сказал, что сам в ближайшее время с ним поговорит. Винцент сообщил, что направляет к ним своего адъютанта, того самого монаха Арно, который прикрывал Максима во Львове и на Лысой горе в Выдубичах. Встречать этого выдающегося мастера тайных дел не надо. На второй хонде он приедет в представительство Ордена на Орел.

Времени терять не следовало, и Максим опять по телефону Орны, как только хранители выехали на Новорижское шоссе, позвонил руководителю той самой главной специальной службы, с которым познакомился во время презентации своей книги о Дзержинском и ВЧК. Он оставил ему свою визитку, что у сильных мира сего было редкостью. Всегда находились недалекие люди, козырявшие этими тисненными кусочками направо и налево, особенно в пьяном виде.

На том конце провода, приняв необычный звонок, включился особый режим, началась запись. Максим представился, сказал, что за ним следят, и он просит о встрече по делу чрезвычайной важности. Через пять минут на телефон Орны без номера позвонил Генерал, поздоровался, выслушал короткий и четкий рассказ историка и сказал, на каком километре Новорижского шоссе и как их встретят и освободят от слежки.

Через двадцать минут, сразу же за Садовым центром, в котором Максим покупал великолепные гортензии, из ниоткуда с истошным воем вылетели две машины ГИБДД и, пропустив хонду хранителей, лихо перекрыли движение для проезда кортежа, не допустив ни одной аварии. Оба BMW слежки благополучно остались позади, а машина хранителей шла за возникшим впереди черным лэндкрузером, как и было договорено трижды, а потом еще четырежды мигнувшим габаритными огнями. Максим и Орна, сидевшая за рулем, весело переглянулись, и даже Диоген довольно мяукнул, одобряя хорошую работу мастеров своего дела.

Оба автомобиля ушли с Новорижского шоссе и, немного пропетляв, проехали под предупредительно поднятый шлагбаум какого-то дачного поселка. Заехав во двор одного из двухэтажных домов, хранители вышли из хонды и вслед за двумя молчаливыми парнями в костюмах и галстуках прошли вглубь коттеджа в аккуратный холл. Хранители сели в предложенные удобные кресла, в том числе и Диоген, не вызывавший у хозяев какого-то особенного интереса.

Максим вспомнил и рассказал Орне и Диогену о своей поездке из Кургана в Челябинск по архивным делам. Электричка была новой и скоростной, самолетные кресла удобны, и трехчасовая поездка обещала быть вполне комфортной.

Не тут-то было. За минуту до отправления в вагон ввалилась группа из семи человек в форме с кобурами на поясах и, не успев толком сесть, сразу начала пить водку из пластиковых стаканчиков, и из закуски у них была только кока-кола. Эти люди в форме беспрестанно ходили курить в тамбур, несмотря на запрет, вели себя шумно, на замечания проводников не реагировали. Вскоре в новеньком вагоне дым стоял коромыслом, и пассажиры стали разбегаться в разные стороны. Максиму, сидевшему напротив этой компании, тоже было тревожно, ибо от пьяного человека с оружием всегда можно ждать что угодно.

Историк, однако, не двинулся с места и наверно правильно сделал. Через несколько минут на остановке в каком-то большом городе в вагон вошли два человека в костюмах и галстуках, подошли к развеселившейся до рвоты вооруженной компании и что-то негромко сказали. Через минуту вся водка уже лежала в мусорном баке, а вооруженная сволочь, поджав хвосты, смиренно сидела на своих местах. Парни в костюмах вышли из вагона, состав тронулся, и люди в форме, оказавшиеся призванными на сборы запасниками, все оставшееся время сидели тише воды и ниже травы. «Кто еще может удержать эту огромную страну в порядке?» – закончил свой короткий рассказ Максим.

В этот момент к ним вышел Генерал. Высокий, подтянутый, элегантно одетый, он поздоровался со вставшими гостями, спокойно, не поведя бровью, выслушал слова Максима о том, что Диоген не совсем кот, а посланец Солохи с необычайными способностями. Историк добавил, что его сообщение содержит тайну, касающуюся всего человечества, и все перешли в соседний кабинет без окон.

Когда хранители и хозяин кабинета устроились на удобных стульях вокруг большого овального стола, Максим рассказал все, ибо таким людям не говорят полуправду, что просто неприлично, к тому же небезопасно. Он говорил о поисках збаражского морока в знамени-

том замке, заколдованного рушника Солохи, травы бокка на киевской Лысой Горе, захвате и освобождении хранителей на Банковой улице, штурме шинка на хуторе близ Диканьки, о бое в Каменецком замке с призраками Бешеного Яремы и в Самой Верхней Раде, где их спасли конотопские ведьмы и Диоген.

Историк подробно рассказал о последней битве с Падшим ангелом в Диканьке в день их свадьбы, в которую вмешался, как все подумали, Вседержитель. В самом конце Максим объяснил, как по найденным им архивным данным он нашел на Поляне Молний золото Богдана Хмельницкого и как его там шарахнуло, после чего он открыл ее способности останавливать время и искривлять пространство. Свою двухчасовую историю он закончил сообщением о создании нового совершенного оружия в научном центре ордена Святого Бернара в Клерво и о готовности монсеньора Винцента встретиться с генералом. Историк сказал, что в целях секретности феномен Поляны Молний изучается прямо на месте и все данные собираются только в штаб-квартире бернардинов в Збараже.

Затем Максим рассказал о визите бенефициаров и об их ультиматуме и закончил свой рассказ словами о том, что они что-то пронюхали в Клерво, но не более того, и этой утечкой активно занимается монсеньор Винцент.

За все время долгого рассказа Генерал ни разу не перебил историка и не задал ни одного вопроса. Максим включил запись допроса директора Академии подавления воли в Каменце-Подольском, где он говорил о главных центрах, в Нюрнберге и Брно, и о Столичной Гидре. Было видно, что эта запись произвела на Генерала сильное впечатление.

Руководитель всемогущей спецслужбы ответил, что о Московской Гидре ему ничего не известно, хотя признаки ее вредоносной деятельности есть, и их немало. Что касается бенефициаров, то хозяин коттеджа, презрительно скривившись, сказал, что его служба готова оказать хранителям любую поддержку. Генерал готов встретиться с монсеньором Винцентом, ибо то, что орден делает в Клерво, может изменить миропорядок, и он ясно отдает себе в этом отчет, как и обо всех потрясающих возможностях нового оружия.

Он хорошо держался, этот Генерал могущественной спецслужбы, не моргнув глазом выслушавший рассказ Максима о том, как хранители собирались изменить мир, получив возможность доступа к ядерному оружию и смене президентов. Историк даже подумал, что Генералу что-то известно о тайне Клерво, что, впрочем, было вполне возможно. Державники никогда не любили продажных дельцов и не стали бы с ними связываться, да еще для такого государственного дела.

– Что уважаемый историк, постоянно попадающий в удивительные приключения, думает по поводу поставленного ему ультиматума? – просто спросил Максима Генерал, попросивший называть его Всеволодом Александровичем, тем самым признав его за своего.

И Максим сказал, что думает, заставив вздрогнуть и Генерала, и Орну. Только Диоген внимательно посмотрел на своего друга и понимающе наклонил умную голову, одобряя сказанное. Другого варианта все равно не было. Бенефициары достали бы историка в любой точке земного шара, и жить всю жизнь под охраной ему совершенно не хотелось. Максим посмотрел на Орну, и было видно, что Чрезвычайный и Полномочный Посол, она же главный агент ордена Святого Бернара, не против снова заняться любимым делом.

Не надо было загонять хранителей в ловушку без выхода, который всегда есть. Треугольник с Банковой уже пробовал это сделать и плохо кончил, туда ему и дорога. Историку нравились слова Ленина, принесшие победу большевикам: «Как царь с нами, так и мы с царем, а там, где нет закона – нет и преступления».

– Когда забираешь чужую жизнь, будь готов отдать свою, – вслух произнес Максим, глядя на внимательно смотревшего на него Генерала, помогая ему не отвечать. Над ним стоял президент, и было ясно, что бенефициары задурят голову руководителю с партийным прошлым за полчаса, передернув факты как шулера.

Максим сказал, что будет делать после того, как в среду откажет посланцу Лорда, и Орна согласно кивнула. В сложившейся ситуации это был лучший выход. Историк попросил выдать ему разрешение на ношение оружия и прямо сказал, в каком случае будет стрелять. Генерал согласно наклонил голову. Просьба историка была выполнима, а его слова Всеволоду Александровичу явно понравились.

Генерал предложил хранителям перейти в холл и в дверях тихо сказал Максиму, что его идея по противодействию зарвавшимся воротилам ему нравится. Историк успел сказать ему несколько слов, содержащих личную просьбу, и Генерал успокаивающе пожал ему локоть. Они явно понравились друг другу, эти люди действия, хорошо всегда подготовленного. Сгустившееся в первые часы напряжение явно спало.

Генерал что-то тихо сказал возникшему адъютанту, и через минуту в гостиную вошел знакомый историк майор из той самой знаменитой Группы специального назначения, у которого он в свое время брал интервью об истории создания ГСН и ее предшественниках, удивительных диверсантах времен Великой Отечественной войны.

– Майор во главе группы из девяти офицеров будет охранять вас, – сказал Генерал, и у Максима внутри словно разжалась сжатая до предела пружина. Теперь хранители не одни против этих надменных наглецов, думающих, что деньги не пахнут.

Согласовывая свои перемещения и все возможные варианты развития событий, Максим увидел, что майор и размещившаяся в холле его группа из четырех мужчин и пяти женщин недоуменно поглядывали на внимательно наблюдавшего за происходящим огромного черного кота. Историк, выдержав небольшую паузу, заявил, что Диоген – хранитель, обладающий возможностями, которые не поддаются человеческому разумению, и через него, например, легко можно переговариваться, не боясь быть подслушанным. В ответ посланец Солохи согласно кивнул, сходу вошел в мозги всех присутствующих и чопорно со всеми поздоровался, заявив, что может чувствовать все опасности за версту.

То, что действия Диогена вызвали у всех офицеров шок, – значит ничего не сказать. Воины, прошедшие огонь и воду, были потрясены, а Максим тут же добавил, что это самое простое дело из того, что доступно черному коту, который ни в коем случае не читает чужие мысли и тайны, в чем можно быть совершенно уверенным. Все видели бой на Банковой, когда боевые ведьмы Солохи, спасая хранителей, парализовали взглядами, а затем уложили на брусчатку двадцать человек из президентской охраны, и одним из их инструкторов в свое время был Диоген, который, например, мог перехватить летящую пулю и отправить ее назад стрелявшему, туда ему и дорога.

Диоген дважды спас жизнь Максиму – в битве с призраками в Каменецкой крепости и при захвате Богданом Бульбой Самой Верхней Рады с Треугольником в полном составе, за что Максим ему чрезвычайно признателен.

Видео этих сумасшедших сшибок видели все, и офицеры уважительно смотрели на черного кота. Максим не выдержал, напомнил присутствующим бой в шинке с участием четырехсот десантников, с танковым батальоном, против Падшего Ангела, и сказал, что, очевидно, кроме людей им будут противостоять совсем другие силы с не такими ограниченными возможностями.

Офицеры переглянулись и согласно наклонили головы. Недавние потрясающие события на Украине были памятли всем и, конечно, вызывали живейший интерес у спецслужб всего мира. Все знали, что в КГБ существовал отдел, занимавшийся потусторонними явлениями, как и то, что его архивы бесследно исчезли. Оказаться в самой гуще удивительных и судьбоносных событий, особенно с учетом того, что это входило в обязанности служб безопасности, – об этом настоящие мастера своего дела могли только мечтать, даже несмотря на угрозы, которым человек противостоять не мог.

Все было обговорено, и Генералу было о чем подумать. Новые товарищи попрощались и вышли в закрытый двор. Июльская ночь давным-давно вступила в свои права, и не верилось, что в этой великолепной красоте находились люди, замышлявшие зло.

У хонды к историку подошел молчаливый адъютант и вручил ему два разрешения на ношение оружия, в которых Орна была написана с девичьей фамилией, чтобы дать возможность им пользоваться, не нарушая совсем явно дипломатического протокола. В карточках были указаны номера кольца Максима и парабеллума Орны.

Хранители сели в хонду и в сопровождении лендкрузера выехали из дачного поселка. Остальных пяти машин охраны, как и положено, видно не было. Максим показал Орне ее разрешение, и влюбленные молча посмотрели друг на друга. Было бы странно, если бы за ними не присматривали, особенно после всех приключений, наделавших столько шума в мире. Ну что же, очень здорово иметь в товарищах таких высокий профессионалов, особенно когда на тебя накатывается огромный каток.

Хранители приехали в истринский дом и сразу же легли спать. Впереди был день, полный забот, а за ним должна была наступить среда – день истечения срока ультиматума могущественных врагов, день, когда хранители должны были вызвать весь огонь на себя, чтобы зафиксировать все преступления бенефициаров, установить ее союзников во всей огромной стране и стереть всех разом. Другого способа борьбы со всемогущим спрутом не было. Дай бог, чтобы после этой уникальной специальной операции великая держава наконец задышала полной грудью на открывшемся пути к процветанию.

Днем хранители приехали в представительство, где их встретил только что прибывший адъютант монсеньора Винченца монах Арно, доставленный из Клерво в Киев с машиной на самолете и ночью проехавший шестьсот километров до Москвы. Сажать орденский самолет сразу в Шереметьево было нельзя. Арно, с аккредитацией и дипломатическим паспортом, показал друзьям вторую хонду, которая оказалась бронированной. Это очень обрадовало Максима, беспокоившегося об Орне. Еще от Истры к ним, не скрываясь, пристроились две знакомые BMW, сразу же создавшие обстановку тревожности. Ничего, наглецы на Пальмовой набережной все получат то, что им причитается.

День прошел в сборах и подготовке плана действий, и монах Арно оказался непревзойденным мастером своего дела. Максим и Орна, на поясах которых уже висели полукубуры с оружием, с удовольствием опробовали бронированную хонду, не забыв и о своей старой боевой подруге, которую приготовили к дальней дороге. Приближение опасности чувствовали все и дружно готовились к ее отражению.

Людей майора не было ни слышно, ни видно, но ясно, что они рядом, и владельцы BMW уже установлены. Большая игра началась. Пообедав с Арно в ресторане Березовой Роши на Песчаной площади, хранители уехали в Истру, где собрали все необходимое для длительной поездки. Вечером хранители уютно расположились в креслах у цветника, и Максим прочитал Орне и Диогену свою дипломную работу об истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии Феликса Дзержинского, получив в свое время, как студент Московского историко-архивного института, доступ во все хранилища, вплоть до Батыевых. Чекисты умели проводить совершенно потрясающие спецоперации, и у них было чему поучиться.

В девять часов утра теплой летней среды хранители уже были в представительстве. Рассказав Арно через Диогена о вчерашней встрече с Генералом, Максим и Орна приготовили к поездке всю свою электронику, с учетом обязательной прослушки обычных смартфонов противником, не забыв зарядить переносной аккумулятор.

Он пришел ровно в одиннадцать, этот нагло-холеный чиновник по особым поручениям Лорда-распорядителя бенефициаров. Увидев посланника, Максим опустил глаза, чтобы не расхохотаться во весь голос. При нем был чемоданчик-дипломат, в котором мог поместиться только один миллион долларов. Ну конечно, миллион сейчас, а остальные два – когда устроите

нашего человека в Научный центр ордена Святого Бернара. Заодно можно будет кинуть московского историка и присвоить себе кучу денег, чтоб из ушей капало.

Чтобы не затягивать неприятную процедуру, Максим сразу же, после обязательного наклона головы, без рукопожатий сообщил посланцу больших денег, что их предложение неприемлемо и принято не будет. Чиновник, разогнавшийся было сесть в удобное кресло для долгого разговора, ошарашено уставился на историка, поняв, что любые разговоры бесполезны, затем плохо посмотрел на Орну, встал, зачем-то переложил чемоданчик из руки в руку, растерянно поклонился и ушел на выход в сопровождении вежливого, как сфинкс, Арно. Во дворе чуть слышно заурчал мотор очень дорогого мерседеса, который выехал на Новопесчаную улицу и затерялся в потоке несущихся с выпученными фарами автомобилей. Можно было не сомневаться, что монах не терял времени даром и уделил внимание и гостю, и его машине, выделив для этого, например, маячок и жучок. Охрана Генерала, конечно, времени тоже не теряла.

«Зря этот посланец беды так посмотрел на Орну», – подумал московский историк-архивист и непроизвольно поправил полукабуру с кольцом на поясе. Большая игра будет без правил, ибо как царь с нами, так и мы с царем. Вы сами этого захотели – туда вам и дорога.

Максим написал на сайте, youtube-канале и в созданном за вечер Арно телеграм-канале представительства, что они уезжают в длительную поездку по архивам, где будут собирать материалы о взаимопроникновении западной и восточной культур на всей территории Российской империи и рассказывать об этом прямо с колес.

В два часа дня две хонды, экипированные всем необходимым для победы, выехали с Орла к Белорусскому вокзалу и, после долгой толкотни на забитых улицах, выехали, наконец, на Ярославское шоссе. Машины охраны с офицерами Группы специального назначения действовали по боевому расписанию охраны особо важных персон в чрезвычайной ситуации, и как ни смотрел Максим, определить их автомобили в потоке не мог, пока машину майора ему не показала опытная Орна.

Вторая хонда с Арно уверенно шла впереди, создавая так необходимое сейчас чувство уверенности и защищенности. Орна так же уверенно вела бронированную послушную хонду. Диоген привычно устроился на заднем сиденье, а Максим, чтобы не терять времени, записывал на защищенном смартфоне детали знаменитой операции Феликса Дзержинского по спасению страны летом 1918 года. У чекистов было чему поучиться и что перенять.

Поняв, что большевики выражают мнение всего трудового народа, по всей только что рухнувшей Российской империи восстали почти сорок губерний и областей. Восстали не обычные люди, не татары, башкиры, калмыки, якуты, удмурты, мордва или карелы, а бывшие губернаторы и связанная с ними чиновная и торговая сволочь с их клиентелой, наняв богатое казачество и растерявшихся потомков бывших крепостных. Воспользовавшись развалом огромного государства, они захотели присвоить себе земли с развитыми торговыми путями, природными богатствами и миллионным населением. То, как их переиграл Дзержинский и его ВЧК, навсегда отбило у предателей охоту к смене власти. У тех, кто уцелел. Подобную операцию, с учетом современных реалий, собирались провести историк и Генерал, которому Максим успел рассказать о том, в каких областях их СМИ слова мэра и губернатор пишут с большой буквы, а Президент России – с маленькой.

Максим посмотрел на Орну, которая улыбнулась в ответ, и оглянулся на Диогена, поднявшего лапу в приветствии. Все было в полном порядке, и две знакомые BMW шли за ними, почти не скрываясь. «Пилите, Шура, пилите – это золотые гири», – вслух произнес Максим знаменитую фразу из «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, и все трое хранителей рассмеялись, не забывая, что хорошо смеется тот, кто смеется последним.

По данным Генерала, в Ярославле с губернатором и его окружением было все в порядке. Маленький кортеж из двух хонд двигался в Вологду, чтобы потом через Тотьму и Великий Устюг отправиться в Вятку и далее со всеми остановками.

Охота, в которой дичь расставляла капканы загонщикам, началась.

Часть II. Морок.

Великая Страна – не Столица. Две хонды в пути, несмотря ни на что.

До Вологды было пятьсот километров, и Максим по дороге рассказывал Орне и Диогену о своих архивных поисках в Новгороде и Архангельске, где по данным Генерала с любовью к родине было все хорошо и удара в спину можно было не опасаться.

В Новгороде Максим бывал не раз, включая его знаменитый Музей деревянного зодчества «Витославцы», с его экскурсоводами в каждой избе с экспозицией. Московскому историку объяснили, почему русские почти до конца XIX века не имели в домах печи с трубами и отапливали жилье по-черному. Зимы, особенно на русском севере, продолжались полгода, и для отопления изб по-белому нужно было втрое больше дров. Максим представил, каково было мужикам с плохими пилами валить в лесу деревья, рубить их топорами на чурбаки и поленья, содрогнулся и подумал, что многие исторические мифы легко объясняются экономически.

Подобная заготовка дров помогала воинам в злых сечах с бесконечными завоевателями, лезшими на Русь без конца и края. В новгородском краеведческом музее в Детинце за памятником-колоколом «Тысячелетие России» Максиму, известному военному историку, дали взять в руки в перчатках меч Александра Невского. Максим вытянул вперед руку с мечом и с трудом удержал ее на весу полминуты. Оружие весило ровно два ведра воды, а в длину было с его немалый рост. Великий воин рубил им тевтонского рыцаря вместе с конем, что было зафиксировано в исторических документах.

Максим побывал на месте, где могло произойти Ледовое побоище 1242 года, точное место которого установить не удалось. Об этой отчаянной битве он знал все.

Тевтонский орден меченосцев, воевавший по всей Прибалтике, с центром в Риге, был военной машиной, не знавшей жалости. Вырубив местные словенские племена эстов, ливов и пруссов, он заселял земли немцами из германских земель, и новых территорий ему всегда было мало.

В 1236 году юный Александр увидел, как в битве, при реке Эймьяге на далеких подступах к Новгороду, его отец, великий владимирский князь Ярослав Всеволодович, загнал тевтонов в заранее подготовленную полынью, и запомнил это. Он создал отряды диверсантов и специального назначения, а также разведывательную сеть в Европе, чему способствовала обширная торговля с ней Новгорода. Агенты Александра побывали в столицах ордена, Риге и Мариенбурге, и достали ему подробные сведения о захватчиках, их тактике, стратегии, вооружении, снабжении. У ордена было чему поучиться. Александр и его дружина сражались немецким оружием, поскольку на Руси до Петра Великого не было хорошего железа. Максим своими глазами видел на рукояти княжеского меча знаменитый знак паучок, который принадлежал оружейникам немецкого города Пассау.

Оказалось, что специально выведенные для немецких рыцарей лошади знаменитой мекленбургской породы огромного размера могли выдержать всадников в полном вооружении не более сорока минут, после чего должны были выйти из боя. Не зря каждый рыцарь имел по нескольку лошадей, и их войско старалось выиграть первой атакой, в которую шли свиньей, – строем, в котором в первом ряду атаковали четверо, во втором – шестеро, в третьем – восемь и так до двадцати и сорока человек. От этого удара железным клином не было защиты, но только не у Александра Невского.

Найдя прибрежную скалу высотой до двадцати метров – Вороний Камень – у большого озера, Александр выстроил у нее три тысячи новгородских ополченцев. Тевтоны разорвали фронт, уперлись в скалу, не смогли ударить русскому войску в тыл, завязли в битве и через

полчаса получили удар с флангов дружины Александра в триста и его отца во главе с братом Андреем в пятьсот воинов. Рыцарей загнали на тонкий лед и утопили. Тысяча меченосцев с девятью тысячами кнехтов разбили в пень восемьсот дружинников и три тысячи ополченцев. Оставшихся в живых пятьдесят рыцарей новгородские купцы обменяли на мыло, секрет которого на Руси был неизвестен, кажется, по весу. Позор вышел на всю Европу.

Подготовка и вооружение одного дружинника стоило деревни в двадцать дворов, и Русь не могла содержать большое войско. Однако эти потрясающие передвижные башни в броне со времен Всеволода Большое Гнездо традиционно побеждали втрое и вчетверо сильнее врага, и им не было равных.

Максим специально выяснил в архивах, как в 1238-1240 годах монголо-татары смогли вдребезги победить русских, при соотношении сил один к пяти, то есть – привычное для Руси. Оказалось, что на вооружении монгол был страшный боевой лук, из девяти клееных полос и тетивой из воловьих жил. Такой лук изготавливался два года, и к невестам, имевших его в приданое, выстраивалась длинная очередь женихов. Эти луки, подготовленные для стрельбы залпами в конном строю, пробивали рыцарей в броне за сто метров и наносили ранения на сто пятьдесят метров. Монголы не подпускали русские рати до рукопашной и выбивали дружинников на расстоянии, уходя от боестолкновений. Только однажды, когда полк рязанского воеводы Евпатия Коловрата в штатные пятьсот воинов из леса атаковал два тумена самих ханских сейменов, дело дошло до ближнего боя. Русские витязи легли все, а от двадцати тысяч гвардейцев Батые осталась половина.

Новгород Максиму нравился, но архив в нем, располагавшийся в старинной церкви, был забюрократизирован, не оцифрован, и любой факт в нем можно было установить с большой потерей времени. Внешние контакты Великого Новгорода с IX по XV век, когда разложившаяся боярская республика вошла в состав Великого Московского княжества, были изучены вдоль и поперек и опубликованы. Максима поражало, что руководившая Новгородом боярская сволочь всегда вставала на колени перед любым захватчиком, говоря, что оккупанты все равно уйдут, а она будет для них собирать дань, не забывая о своих бездонных карманах. В рать Александра Невского бояре отпустили только добровольцев, не дав ни одного воина из городского большого и владычного полков.

Город был чистый, но забитый носившимися без толку машинами. Максим с удовольствием смотрел классику в Драматическом театре и слушал концерты в филармонии у Колокола, где в оркестре были только одни женщины, включая дирижера, и всегда покупал новгородский мед в литровых липовых бочонках. В этом городе его любимого героя историк чувствовал себя как дома. В музее он пытался разгадать загадку создания средневекового водопровода XIV века, составленного из четырехметровых выдолбленных изнутри бревен на всю длину, но так и не смог. В музее Достоевского в Старой Руссе, в прихожей, Максим с удивлением увидел цилиндр и белые перчатки, в которых великий писатель гулял по городу в середине XIX века, когда этот головной убор давно вышел из моды. Новгородцы, в общем спокойные люди, крутились как могли, богатые богатели, бедные беднели в этом странном мире дикого славянского капитализма, с маху накрывшего развалины Советского Союза, и продолжалось это уже четверть столетия. К сожалению.

В Архангельске московского историка навсегда заворожили Белое море и Северный Ледовитый океан. Это было потрясающее зрелище – молчаливая вода без конца и края, и уйти от нее было можно только большим усилием воли.

Архив Архангельской области давал доступ к метрическим книгам и ревизским сказкам только за большие деньги, но коллекция генеалогических документов была потрясающая. История взаимоотношений поморов с Европой, как и в Новгороде, была хорошо изучена и опубликована. Детали краеведения, например, где в городе английские моряки в XVII веке пили пиво, Максима не интересовали.

Музей деревянного зодчества, первый в стране, «Малые Карелы» был хорош, но совсем пустой. Сам город, с упертыми в своей неправоте водителями, был еще не застроен современным высотным хламом с никаким сроком хранения, и на улице было довольно много опрятных деревянных домов XIX века, приятных глазу. Правда, Максим хорошо знал бытовую историю всех российских сословий и только радовался, что живет в начале XXI, а не XVIII столетия, в котором с комфортом были большие проблемы.

Когда Максим поехал в Холмогоры, то даже испугался, что останется в них навсегда, – грязища на родине великого Ломоносова даже летом была адская. Тем не менее, везде у моря царил покойствие, флот гражданских судов плавал без перерыва, и Максим всегда покупал в Архангельске отличную рыбу – копченую, сушеную и вяленую. Здесь, на севере, была настоящая, классическая Россия, которой не было цены.

Маленький кортеж объехал Ярославль по кольцевой дороге и двигался по Вологодской области. Было еще светло, когда обе хонды припарковались на стоянке небольшого отеля в кремнике Вологды, и за квартал, не особо скрываясь, притаились две BMW, ехавшие за хранителями все пятьсот километров, очевидно, думая оказать на них психологическое давление. Машин охраны не было видно, но то, что все десять офицеров были рядом, не вызывало никакого сомнения.

Заселившись в номера, Максим, Орна, Арно и Диоген отправились в еще работавший ресторан, где вкусно кормили отличными местными рыбой и сыром. Тут-то бенефициары и решили нанести по ним первый удар.

В большом ресторане, оформленном под северную старину, были заняты двенадцать столиков, и за тремя из них сидели офицеры охраны. Четверо хранителей расположились за столиком так, чтобы за спиной была стена, а перед глазами – вход в зал. На небольшой эстраде ансамбль пел традиционную «Вологду», и Максим заказал салаты, рыбу и сырную тарелку, не забыв куриную грудку и сметану для Диогена. В зале было уютно, и хранители не спеша отдыхали от бестолковой Москвы, слушая песни из репертуара «Песняров». На четвертой песне с символическим названием «Косил Ясь конюшину» отдых закончился.

В зал шумно ввалились четыре разнузданные хари, изображавшие пьяную компанию, и двинулись прямо на хранителей. «Вот и первый привет от наших противников», – подумал Максим, и в ответ на его невысказанную мысль утвердительно мяукнул Диоген. Чтобы не доводить дело до неизбежного мордобоя с непредсказуемым концом, московский историк встал, снял френч и демонстративно поправил кобуру с кольцом на поясе. Глядя на приближавшуюся босоту, он заметил боковым зрением, как Орна под столом направила на шпану свой парабеллум, Арно далеко отодвинулся от столика, давая себе свободу действий, а Диоген фиксировал взглядом всех волоцог. За столиками с охраной тоже произошло невидимое взляду движение, и можно было не сомневаться, что все гопники оказались на мушке.

Четверка увидела оружие и холодный взгляд Максима, не дающий сомневаться в том, что оно будет применено. Пытаясь сообразить, что делать, босва затопталась на месте, поняла, что подойти к хранителям им не дадут, и направилась к выходу. Драки с поножовщиной не вышло, но это был совсем не конец.

– Теперь, наверное, появится полиция, чтобы арестовать нас за ношение оружия, – сказал Максим друзьям, – давайте уйдем от греха.

Диоген отрицательно помахал мохнатой головой и перевел взгляд на вход. «Никто никуда не идет», – подумал Максим и достал из френча разрешение на ношение оружия. От входа к хранителям шли трое полицейских с автоматами. Максим поднял карточку на вытянутой руке, видя, что вся троица уже взята на прицел. Историк понял, что ловкие ребята стояли за дверью, чтобы во время драки арестовать хранителей. Довольные рожи приближающихся оборотней в погонах никак не ожидали подвоха. «Да, без союза с Генералом не долго бы ты

побежал», – пронеслось в голове Максима, и Диоген опять утвердительно мякнул. Давайте, ребята, посмотрим, какие вы ловкие.

Старший из ментов, которым до настоящих полицейских было как до Китая раком, с удовольствием объяснил Максиму, что он арестован, его разрешение поддельное, и приказал поднять руки. Историк, спокойный как удав перед прыжком на кролика, отрицательно покачал головой и вдруг увидел, как один из сержантов поднимает свой автомат на Орну, которая не давала для этого никакого видимого повода.

Ну уж нет! Никакого кино с печальным финалом от студии Довженко не будет! Максим поднял голову вверх, и за ним рефлекторно задрали свои головы полицейские. Историк крутанул филерский заворот на месте, многократно увеличивший силу удара, и со всего размаха ударил рукояткой кольта прямо в наглое рыло мерзавца, одновременно делая ему подсечку. Продажная шкура, не ожидавшая ничего подобного, завалилась на своих товарищей, и все трое с грохотом рухнули на чистый пол ресторана. Они еще падали, а Арно уже выхватывал у них автоматы, которые повисли на кресле историка, поверх френча. Мгновенно трое предателей были скованы их же наручниками со спины, попытались подняться и тут же грохнулись вниз, непотребно ругаясь, что, впрочем, им никак не помогло. Не прошло и нескольких минут, как за этим позором полиции пришли представители службы государственной безопасности, в которых Максим узнал офицеров из своей охраны, и увели их. Максим сел на место, улыбнулся внимательно смотревшей на него Орне и напомнил онемевшим официантам о сделанном заказе.

Ужин принесли, и хранители с удовольствием съели рыбу и сыр. Люди майора, задержавшие и гопников, и полицейских, уже, конечно, допрашивали их, выясняя заказчиков провокации в Вологде и в Столице. Щупальца бенефициаров будут обнаружены и в свое время отрублены. Ребят из двух BMW в ресторане не было, но кто-то от них, конечно, смотрел и видел, как все прошло. Ну что же, лиха беда начало. Над Вологодой уже висел специальный колпак, и не один звонок в Москву не останется без внимания.

Хранители рассчитались за ужин и поднялись в номера, из окон которых открывался красивый вид на набережную реки. Усталые, они под надежным присмотром Диогена легли спать. Государственный архив Вологодской области открывался в девять часов утра, и времени терять не следовало. Атаки врага только начались, и следующий ее налет может случиться когда угодно, например, утром в архиве.

На следующее утро друзья встали пораньше, прогулялись по красивой набережной реки, давшей название городу, позавтракали в небольшом кафе и в начале десятого часа уже были в архиве. Читальный зал вмещал всего семь столов, работать за которыми можно было только скрючившись. В фондах Максима интересовали материалы об опричниках Ивана Четвертого – Шлихтинга и Штадена, вернее их достоверность. Царь любил убежать от крымских татар из Москвы в Вологду, таская с собой казну под охраной своих душегубов, и жил здесь подолгу. Также московского историка интересовали документы о пребывании летом 1918 года в Вологде посольств стран Атланты, очевидно в порядке культурного обмена финансировавших свержение большевиков. Серьезных исследований по этим темам местные историки не оставили, занимаясь краеведением, а сами источники хранились в Российском архиве древних актов и ведомственном хранилище. С мемуарами опричников Ивана Четвертого и «Заговором послов» Максим ознакомился еще в Историко-архивном институте, в котором защитил диплом по истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии Феликса Дзержинского, о которой знал почти все, что можно и нельзя. Других западных материалов, исключая интересные дела о надзоре за ссыльными поляками Вологодского губернского жандармского управления, в ГАВО не было.

Закончив, хранители пообедали у архива в отличной столовой «Зеленый луг», осмотрели музей «Домик Петра Первого», который всегда останавливался в Вологде по дороге в Архан-

гельск. Подивившись в очередной раз простоте великого императора, друзья уехали в соседнее Семенково.

Музей деревянного зодчества и народного быта под открытым небом был великолепен. Огромные дома XVIII века, в которые на верхний этаж хозяин въезжал на телеге, чередовались с маленькими избами XV столетия. Собранные в них старинные предметы домашнего обихода давали отличное представление о том, как жили наши северные предки. Хранители лежали на палатах над огромной русской печью, что отнюдь не вызвало восторг. Максим покатался с Орной на действующих качелях XVII века и с удовольствием посмотрел, как потом это сделали Арно с Диогеном. Историк спросил одну из экскурсоводш, действительно ли средневековые русичи были маленького роста, почему и делали в своих огромных домах маленькие окна и двери, высотой до полутора метров. Улыбнувшись, знаток поморской старины ответила, что это, конечно, полная ерунда. Все люди были вполне рослыми. Небольшие отверстия делались для того, чтобы сохранить тепло в доме холодной зимой, которая на севере тянулась полгода.

Максим пригласил друзей в старинный музейный кабак, где они от души наелись испеченных прямо при них в трехсотлетней печи блинов с пахучим вологодским вареньем без сахара, взяв его домой целый ящик, а Диоген отдал должное местному молоку и сметане.

В пять часов вечера хранители вернулись на музейную парковку, где кроме их хонд стояли еще семь автомобилей, включая две знакомые BMW, экипажи которых на территорию заповедника не входили и настроения друзьям не испортили. Диоген прямо в мозг друзьям сообщил, что к их машинам прилепили маячки, которые товарищи снимать, конечно, не стали. Пока.

Насладившись гармоничной, в идеальном состоянии стариной, хранители сели в автомобили, и маленький кортеж выехал на тотемскую дорогу, за которой находился и тракт в Великий Устюг с его знаменитым архивом XVIII века, до которого было ехать столько же, сколько до Столицы.

Максим выложил в Телеграм канал представительства и в youtube репортаж о Семенково и с удовольствием отвечал на комментарии. Пустая дорога в приличном состоянии радовала дремучими лесами, но села на ней были совсем маленькими. В когда-то знаменитом на всю Россию уездном богатом Кадникове, делавшем отличные бочки, жили всего три тысячи человек, а в соседнем очень красивом Чучково – вообще триста.

И по всей дороге там и тут на обочинах стояли местные жители с только что собранными корзинами грибов и ягод, предлагая их по нормальной цене, то есть – втрое меньше, чем в Москве, куда Башня «Торгаши» не пускала никого и ничего без безумных накруток на цены всего и вся. Хранители с удовольствием купили ведро белых и два тусека с брусничкой и морошкой. Орна, довольная и раскрасневшаяся, пообещала в Устюге сделать для всех знаменитый румынский жульен.

В Тотьму кортеж въехал около восьми часов вечера. Город выглядел как картина XVIII века, радовавшая глаз. Опрятная и аккуратная Тотьма была спокойна и очаровательна. Хранители остановились на смотровой площадке у реки, по недвижимой глади которой неспешно двигался паром, и залюбовались чудесными северными видами. Было совсем неудивительно, что именно из этого города вышло так много землепроходцев и мореходов, во главе с Иваном Кусковым, знаменитым комендантом Форта Росс на американской Аляске.

Поев над речным простором только что купленные в еще работавшей пекарне свежайшие шанежки, Максим сел за руль бронированной хонды, и хранители отправились в дорогу, планируя приехать в Великий Устюг еще до полуночи. Однако «не так сталося як гадалося», и хорошо, что вне зоны видимости BMW в машину Арно пересели три офицера охраны.

Было еще светло, когда орденский видеорегистратор на лобовом стекле, с множеством неожиданных функций, пискнул, показывая приближение обеих BMW с жучками, и тут же сигнал был передан во все машины охраны.

Максим переглянулся с Орной, и оба тут же посмотрели на Диогена. Черный кот успокаивающе мякнул – опасность минимальна. Тем не менее, друзья приготовились к нападению, которое не замедлит, – это было очевидно. Боевики действовали по шаблонам столетней давности, и предугадать их шаги было несложно. Пока. Сейчас их догонят и попытаются захватить, чтобы под угрозой оружия заставить согласиться на условия Лорда-распорядителя. Тактика была проверена временем и почти всегда эффективна. Но только не в том случае, когда безобидных, на первый взгляд, историков прикрывают Орден Святого Бернара, адъютант главной ведьмы Левобережной Украины и всемогущая Служба государственной безопасности огромной страны.

BMW обошли хонды и стали прижимать их к обочине, требуя остановиться. Хонды послушно затормозили, и тут же, не дожидаясь остановки, из шедшей первой машины Арно, разом выскочили три офицера, а за ними почти мгновенно появился и монах. Они еще только открывали дверцы опешивших немецких монстров, как из ниоткуда спереди и сзади, без габаритных огней, вылетели две машины охраны. В считанные секунды восемь ошарашенных внезапным налетом боевиков были скованы и сложены на большие задние сиденья своих огромных железяк, которые вместе с остальными автомобилями тут же двинулись вперед. Максим и Орна даже не успели выскочить из своего бронированного чуда, как все было закончено. Через две минуты после нападения увеличившийся вдвое кортеж летел по пустынной дороге, оставляя по сторонам вековые леса, которым не было ни конца ни края. Связь, блокированная офицерами ГСН во время захвата, восстановилась, и вскоре обе хонды, с которых были сняты маячки, остались в одиночестве. В сумерках никак не заканчивающегося летнего дня машины с боевиками отвезут куда надо, BMW надежно спрячут, а бандитов на военном вертолете из Ярославля доставят в Столицу для следственных действий. Все связи бенефициаров с вологодским начальством будут установлены досконально, а боевики и автомобили просто исчезнут в дремучих северных лесах, туда им и дорога.

Фары маленького кортежа разрезали сгустившуюся тьму, и хранители летели сквозь ночь, улыбаясь друг другу. Второе нападение врага было успешно отражено, и никто не знал, сколько их впереди.

Ровно в полночь хонды въехали в Великий Устюг, и хранители заселились в милый отельчик совсем рядом с архивом. Грибы и ягоды были положены в холодильник, и вскоре все четверо друзей спали, и никакие плохие сны им не снились.

Встав пораньше, товарищи прогулялись по уютной набережной Сухоны и всю первую половину жаркого дня провели в устюгском архиве в старинном монастыре, хранившем все переписи населения округа до начала XVIII века. Устюжане, как и тотемцы, во главе с прославленными Семеном Дежневым и Ерофеем Хабаровым, активно присоединяли к России новые земли, и все архивные материалы о них были давно опубликованы. Максим сам читал донесения великих русских мореходов об открытии новых земель за Беринговым проливом и Камчаткой, которые сто лет пролежали в сундуках сибирских воевод-негодяев. Они не отправляли их в Москву, чтобы им не пришлось делать лишней работы по освоению новых земель. В своей нашумевшей книге «Строгановы» московский историк подробно рассказал, как к Московскому царству были присоединены Сибирь и Дальний Восток. Не успели солевары с небольшим отрядом Ермака оставить Сольвычегодск для местного похода, как царский воевода тут же украл годовой запас мягкой рухляди, – пушнины, спалил казенную избу, где они хранились, и написал в Москву, что острог подвергся нападению сибирских татар. Иван IV тут же наложил на Строгановых, якобы бросивших без охраны огромный ясак, опалу вплоть до смертной казни. Чтобы не погибнуть, Строгановы завоевали Сибирь и подарили ее государю всея Руси.

Целый век лучшие русские люди шли и шли на восток, встречу Солнцу, уходя от издевательств царских воевод. И вслед за ними шли и шли эти наглые царские хари, не дававшие покоя никому, без удержу набивавшие ворованными бюджетными деньгами свои бездонные

карманы. Восточная Россия за Уралом изменила жизнь империи до неузнаваемости, но только не царских воевод, мешавших развитию страны как никто. Только Петр Великий смог унять этот неунимаемый позор России.

В четыре часа дня маленький кортеж выехал из Устюга в Киров, архив которого работал в субботу. Сделав небольшую остановку в Шарье, хонды через Котельнич въехали в Киров, он же Вятка, он же Хлынов, город умелых наемников и отличного шоколада. С мороженым.

Поздним вечером хранители расположились в одноэтажной гостинице под старину у частного музея города Хлынова с отличной интерактивной экспозицией. Все было тихо и спокойно, хотя Максим, боясь, чтобы Башня «Торгаши» их не потеряла, еще на выезде из Великого Устюга выложил очередные репортажи в youtube и Телеграм канале, в которых он сказал, что хранители собираются посетить Киров и Нижний Новгород – два города-антипода.

Утром в просторном по северному областном архиве Максим показал друзьям материалы о том, как воины основанной новгородцами Вятской вечевой республики в течение веков служили наемниками везде, где только можно, не обращая внимания, на чьей стороне правда. Кончилось подобное пренебрежение божественными законами для зарвавшегося Хлынова плохо, и первый государь всея Руси Иван Третий включил огромную вятскую землю в состав Московского великого княжества. Образовавшаяся при Петре губерния в северных лесах не бедствовала никогда, что можно было только пожелать суетливому югу.

Хранители прогулялись по красивой двухэтажной пешеходной улице Кирова, зашли в музей мороженого, в котором сверху было видно, как внизу происходит процесс его изготовления, и съели за удобными столиками отличное крем-брюле и эскимо. Выйдя, они посидели в огромной машине лорен-дитрих, известной из романа Ильфа и Петрова, погуляли у очень милого памятника вятским мещанам на свидании и, конечно, зашли в очень вкусно пахнущий музей шоколада. Даже у избалованной Европой Орны разбежались глаза по удивительным изделиям всех цветов радуги, выглядевшим очень эффектно и аппетитно. Набрав красивых гостинцев, друзья уселись в музейной кофейне и продегустировали свежайшие сказочные пирожные неожиданных форм. Диоген также не был обделен сливками, с которыми хранители выпили кофе.

Из центра города товарищи поехали в удивительный музей сказок на окраине, как и положено, расположившемся в дремучем лесу. Осмотрев настоящие избушки на курьих ножках и их интерьеры, выслушав рассказ экскурсоводши о знаменитых вятских лесных и болотных кикиморах, Максим и Арно развели костер в зоне барбекю с печкой, на которой Орна приготовила огромный жульен из вологодских белых грибов, куриных грудок и особого белого соуса на все четырнадцать человек, добавив к нему ведро морса из морошки и брусники, от которых невозможно было оторваться. Никто за хранителями не наблюдал и козни строить не собирался, о чем уверенно объявил Диоген. Вятка полностью поддерживала державу, и подлости ждать от нее не приходилось. Товарищи, ненадолго забыв о службе, от души ели пахучее яство, и майор рассказывал о том, что все двенадцать задержанных бандитов выложили все, что знали, за заказчиками сразу же было установлено наблюдение. Все щупальца Башни «Торгаши» на вологодской земле уже были установлены, и Генерал знал все, что ему было необходимо.

Субботний вечер был очарователен, и никто никуда не спешил. Семь мужчин, шесть женщин и огромный черный кот отдыхали, понимая, что ответные шаги противника не заставят себя долго ждать. Какими они будут – можно было только догадываться.

Утром воскресного жаркого дня обе хонды выехали из Кирова в направлении Нижнего Новгорода. За завтраком в музейном отеле хранители стали невольными свидетелями разговора двух местных коммерсантов о том, как бенефициары не дает развиваться Кировской области.

Если бы только Кировской! У товарищей на столе стоял йогурт, изготовленный в столице и оттуда же привезенный за тысячу километров. При этом своего молока и мощностей по его переработке на Вятской земле было хоть залейся по самую шею. Местные промышленники могли продать свой товар лишь в небольшой округе вокруг себя, или под полным контролем всемогущих, по всюю действовавшему в стране коррупционному праву, торговых сетей. Иначе их давили, как алкоголики давят соленые огурцы, без всякой жалости и терпения.

Нового в этой организации экономики, впрочем, ничего не было. На фоне множества брошенных сел и деревень, где совсем недавно жили сотни и тысячи жителей, на дорогах стояли люди с собранными грибами, ягодами, ремесленными изделиями, поделками, овощными консервами. Продукты своего труда в городах они могли продать только за сущие копейки, а к этой себестоимости торгошники от всей души приписывали ноль, увеличивая цену на порядок.

Дорога среди дремучих лесов завораживала своей первобытной красотой, и, чтобы избавиться от плохих мыслей, Максим стал рассказывать Орне и Диогену о своих поездках по сибирским архивам. Новосибирск, Кемерово, родной Иркутск, Томск, Екатеринбург, Барнаул – на московского историка особого впечатления не произвели. Застроенные современным хламом, потерявшие свое оригинальное лицо, забитые автомобилями до не раз отодвинутого предела, они имели небольшие оазисы, где человек мог ненадолго придти в себя, театры и филармонию, но работали они из-за малого количества зрителей только в выходные. Что касается архивов, то узнать в них что-то было можно только лично в читальном зале, потратив кучу времени, нервов и денег, а их автоматизированные информационные системы находились в зачаточном состоянии. Щупальца бенефициаров елозили в Сибири, но только для того, чтобы выгребать ее нескончаемые ресурсы, беря их за бесценок и продавая втридорога. Сибиряки, жившие на землях, где крепостного права не было и в помине, торгошники на дух не переносили и терпели только из-за катка административного ресурса, которому ничего не стоило оставить всех недовольных без средств существования и даже разорить дотла. В Сибири жили люди, которым было за державу обидно, и ждать от них удара в спину не стоило. Максиму очень понравился уютный и зеленый курган, с его идеальным для работы архивом, великолепным парком, из которого не хотелось уходить, классическим театром и полноводным Тоболом, живописно пересекавшим весь город. На курганском вокзале было полно уезжающих людей, но, несмотря ни на что, характер курганцев оставался доброжелательным и веселым. Сибиряки прекрасно понимали, что происходит в захваченной диким капитализмом огромной стране и мечтали о ее скорейшем освобождении.

Дорога шла и шла сквозь дремучие леса, и Максим рассказал о древнем Тобольске, отличавшимся от других сибирских городов в лучшую сторону. Незастроенный современной дрянью, он был чист и ухожен в историческом центре, да и окружавшие его частные дома были в приличном состоянии.

Архив в бывшей столице Сибири был хорош. В его просторном читальном зале, со знающими сотрудниками и десятками компьютеров, можно было просматривать отсканированные метрические книги и ревизские сказки. Именно в Тобольске появилось официальное название восточных земель Российской империи, Западная Сибирь «места не столь отдаленные», а Восточная – «места отдаленные».

Их ухоженного центра с симпатичной трехэтажной застройкой перебраться в другую часть города через широкий Иртыш было можно зимой только по понтонной переправе, устроенной прямо на речном льду. Казалось, она не изменилась со времен атамана Ермака, и Максим, глядя на тающий весенний лед, не рискнул по ней перейти, но у него, слава богу, не было в этом никакой необходимости, в отличие от многих горожан. Придти в себя от увиденной старины московский историк смог только у милого многофигурного памятника знаменитому тобольскому поэту Петру Ершову и его «Коньку-Горбунку» с симпатичной чудо-юдо рыбой

кит и придурковатым царем, упрямо лезущим в кипяток. Глядя на сказочного монарха, Максим подумал, что ген идиотизма среди царей легко передается сквозь века.

Шестьсот километров между Кировом и Нижним Новгородом хонды проехали за восемь часов и еще засветло были в огромном городе. Заселившись в недешевую гостиницу, в которой были туалеты не в коридорах, а в номерах, хранители привели себя в порядок, и Максим привез друзей на смотровую площадку на круче перед Волгой, у памятника летчику Чкалову в Кремле. Это было единственное место в Нижнем, где было по-настоящему хорошо. Посмотрев на просторы великой русской реки, хранители быстро поужинали в кафе в соседнем музейном квартале и поехали в соседние Городец и Гороховец. Оба уютные городка были наполнены красивыми частными музеями во главе с «Музеем добра». Уютные улицы со старинными каменными домиками просились в пьесы Александра Островского из купеческой жизни XIX века. Пройтись по ним было одно удовольствие. Набрав в музее выпечки удивительных свежайших пряников самых разнообразных форм и цветов, товарищи поздним вечером вернулись в Нижний Новгород, передав по дороге в одну из машин майора два пакета пахучих городецких пряников для всех офицеров, охранявших хранителей.

В отеле, как всегда напротив архива, Максим спокойно сказал Орне, что в этом тяжелом городе будет обязательно нанесет очередной удар. Он опять угадал, этот московский историк с доставшейся от деда-героя удивительной интуицией.

Утром в читальном зале архива всего-навсего на восемь столов, Максим и Орна, оставив Арно на входе «заполнять бланки ненужного ему запроса», просматривали новые исследования о походе войска Минина и Пожарского из Нижнего на Москву в 1612 году. Отчаянный Кузьма Минин при сборе ополчения конфисковал у нижегородских купцов и посадских треть имущества, и этого в городе, похоже, не забыли до сих пор. Максим хотел выяснить, кто из купцов, явно иностранных, купил эту гору добра и за сколько процентов от ее реальной стоимости. У него ничего не вышло, ибо местных краеведов XVII век не интересовал совсем.

Построенный итальянскими зодчими московский Кремль, с высотой стен пятнадцать метров и подземельями – тридцать, взять было практически невозможно штурмом. Пятнадцатитысячное русское войско его и не брало, а только осадило. Оставшись без продовольствия, три тысячи поляков ушли из Москвы, отпустив сотню бояр-заложников, среди которых был совсем юный будущий отец Петра Первого. Ушли с развернутыми знаменами, оружием и всем награбленным. А награбленного было столько, что в последние дни осады, когда у гарнизона кончились пули, поляки стреляли с кремлевских стен крупными жемчужинами.

В Можайске уходящая шляхта устроила грандиозную попойку и утопила в реке все захваченные древние царские регалии, в том числе знаменитую шапку Мономаха, скипетр и державу. Именно из-за этого коронация Михаила Романова была отложена на год. За это время регалии восстановили по воспоминаниям и рисункам.

Максим увлекся на кафедре разговором с заведующей о поляках и Минине и чуть за это не поплатился по-настоящему. Главный агент ордена Святого Бернара, однако, была на высоте, как и сидевший под ее столом Диоген, не видимый никому, кроме своих. Орна сразу заметила, как сидевший за столом сзади Максима молодой парень с бегающими глазами очень незаметно и профессионально засунул во внутренний карман висящего на стуле френча московского историка какие-то скрученные бумаги. Орна тут же отвлекла карманника каким-то вопросом, а невидимый обычным людям Диоген за несколько секунд переложил бумаги из френча историка в чехол от ноутбука злоумышленника, стоявший под его столом.

Дело было сделано, и сделано очень вовремя. В этот раз они хорошо подготовились, эти агенты бенефициаров. Орна еще садилась на место, послала сигнал опасности Арно и охране, как в читальный зал вошли трое штатских и оператор с камерой и сразу направились к столу Максима. Объявив, что в архиве только что произошла кража, главный из штатских торжественно вывернул френч историка наизнанку и онемел. На стол вывалились паспорт, носовой

платок, ручка, удостоверение члена Союза писателей России... и больше ничего. Четверка рас-терянно затопталась на месте, и Арно от двери снимал происходящее с самого начала.

Максим, мгновенно поняв, что произошло, тут же громко попросил штатских назваться и предъявить документы и ответа, конечно, не получил. Увидев направляющий взгляд Орны, Максим подошел к столу злоумышленника и под запись Арно попросил того показать свои вещи. Улыбаясь, агент «Торгашей» достал свой чехол и открыл его. Улыбка еще сползала с его лица, как подбежавшая заведующая стала разглаживать выпавшие из чехла скручен-ные листы, оказавшиеся оригиналом указа императрицы Елизаветы Петровны о строительстве каменной нижегородской Макарьевской ярмарки 1751 года. Указ входил в категорию особо ценных архивных документов.

Максим громко прокомментировал происходящее и попросил тут же прилюдно уста-новить личность преступника. Его опять не услышали, а Орна уже снимала копии с записи камер наблюдения читального зала, и на записи были четко видны его манипуляции с френ-чем Максима. Заведующая, которая была явно не в курсе проведения провалившейся прово-кации, вызвала полицию. Люди в штатском, захватив своего подельника, быстро вывалились из взбодораженного архива, чтобы у собственной машины быть взятыми офицерами охраны хранителей.

Прибывшая полиция легко установила личность злоумышленника по копии его паспорта, сделанной на входе при получении пропуска. Хранители покинули архив и прямо на входе сделали репортаж обо всем произошедшем и, добавив в него все записи, выложили в эфир.

Шум в нижегородском архиве вышел большой, что и говорить. Благодаря Орне и Диогену Максим не вляпался в эту грязную историю, от которой было бы трудно отмыться, ибо любые доказательства невинности московского историка никого не интересовали.

Через несколько минут, выкинув из головы этот тяжелый город, хранители выехали в родной для предков Максима Ульяновск. Именно из симбирского Сенгилея его русско-татар-ский прадед в начале 1920-х годов приехал учиться на рабочий факультет Московского выс-шего технического училища.

Четверо в штатском оказались продажными офицерами местного управления службы безопасности, и они со своим карманником уже летели на приданном охране хранителей воен-ном вертолете в Москву для допросов. Для их начальников, тут же взятых в разработку, они просто исчезли, туда и дорога, и можно было не сомневаться, что щупальца бенефициаров в Нижнем Новгороде будут выявлены до последнего сантиметра.

Оставив справа милый мокшанский Моршанск с его доброжелательным архивом и отличным инсарским сыром, маленький кортеж проехал очередные пятьсот километров по бесконечной России и в сумерках въехал в Ульяновск. Утром хранители зашли в областной архив, но ничего нового о Симбирске – огромном торговом центре со странами Каспийского моря – не нашли. Максим с удовольствием отвез друзей в дом-музей Ульяновых на уютной улице Ленина, который в свое время произвел на московского историка огромное впечатление.

Внук нижегородского крепостного и сын астраханского мещанина-портного Илья Улья-нов с отличием окончил гимназию и Казанский университет, после чего дослужился до граж-данского генерального чина действительного статского советника. Получая большое жало-ванье, Илья Николаевич снял большой двухэтажный особняк на тихой улице в центре Симбирска, в котором для комфортной жизни было все, включая все последние достижения науки и техники того времени. На втором этаже были комнаты многочисленных детей, в том числе Владимира. В комнатах с голыми стенами и окнами в дивный сад были только неши-рокие кровати, шкафы, стулья, столы с лампами и выписками о том, как сделать всех людей счастливыми, и больше ничего. Обстановка на втором этаже была спартанской, особенно по сравнению с первым, и способствовала развитию сильной личности.

Владимир Ильич Ульянов стал такой сильной личностью, изменившей мир. Он умел четко и кратко формулировать то, что интересовало стомиллионный трудовой народ. Максиму нравилось крылатое выражение потомственного дворянина Ульянова-Ленина, сильно приблизившее Великую Октябрьскую революцию: «Как царь с нами – так и мы с царем!» Только увидев, как рос будущий вождь мирового пролетариата, московский историк окончательно понял, как большевики свалили губившее Россию самодержавие, не дававшее жилья двумстам миллионам человек. Максим всегда смеялся, когда очередные тупорылы говорили о том, что Россия в 1913 году развивалась небывалыми темпами и именно большевики остановили это великое развитие.

Олигархи царской России просто продавали за границу огромное количество переработанного сырья, но деньги шли в их бездонные карманы, а совсем не в экономику страны. То, что царизм втянул империю в совершенно ненужную ей мировую войну, с потерями в пять миллионов ни в чем не повинных людей, в счет не шло. В самой России крестьяне и рабочие не жили, а мучились, но власти это не интересовало. На одного дворянина приходилось сто пятьдесят крестьян, сорок мещан, 13 священников и восемь купцов. В свихнувшейся от жажды наживы для немногих империи хорошо жили только три человека из ста, и большевики разорвали этот порочный круг горя и бед. Хештеги Ленина «Когда нет конца терпенью – тогда нет конца страданию» и «Чем хуже – тем лучше» – тоже сыграли в этом большую роль.

Пообедав в уютной чайной лавке у музея, хранители выехали в Сенгилей, где в деревне с типичным имперским названием Поповка жили предки Максима по отцовской линии. По дороге московский историк рассказал, как в Орловском архиве проверял в Мценском уезде двенадцать Алексеевок, чтобы найти нужную. Обычно деревни называли по именам их основателей или членов семей владельцев-помещиков. В каждой губернии были десятки Марьевок, Петровок, Николаевок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.